

и в литературе не осталось, кажется, ничего, с чем бы не они боролись: “Даже и автору “Разбойников” приходится теперь расплачиваться за непонимание истинных задач пролетариата”, — комментирует он последнюю в сборнике статью А.Фадеева “Долой Шиллера”. Творчество Ш. высоко ценили многие поэты и писатели русского зарубежья. В частности, в юношеском увлечении творчеством Ш. признавался Ю.Терапиано. По свидетельствам современников, его стихи любил читать наизусть И.В.Чиннов.

Е.В.Соколова

ШМЕЛЕВ Иван Сергеевич (1873—1950)

Из советской России Ш. уехал в 1922, намереваясь вернуться, однако этому желанию не суждено было осуществиться. По словам корреспондента “Иллюстрированной России” (1926. № 10), взявшего у Ш. интервью, писатель считал, что временное (как ему казалось в 1926) пребывание за границей даже “полезно”, поскольку оно расширяет кругозор и заставляет по-иному взглянуть на русскую сущность — он хорошо помнил родину, “носил ее в своей душе”. Как заявил Шмелев, ему не нужно входить в соприкосновение с современной русской действительностью, чтобы правдиво изображать русский дух и русский быт: “Ведь ездили же раньше наши писатели за границу?.. И творили за границей! Вспомните Тургенева, Достоевского...” (с. 8). К.Бальмонт, близко знакомый со Ш., оставил воспоминания (они относятся к 1923), которые отражают некоторые особенности личности писателя: “Шмелев производит на меня впечатление — в хорошем смысле — одержимого. Что-то глубоко его пронзило, и, пока он одержим этой пронзенностью, он находит сильные слова и образы. Но вот одержимость покидает его, и он становится мелководным, слова становятся ненужными и бесцветными. Отсутствует некий внутренний стержень” (Бальмонт К. Автобиографическая проза. М., 2001. С. 345, 346). Борьба мнений вокруг произведений Ш. в определенной степени отражает противостояние правых и левых (“демократических”) сил в среде эмиграции. Среди его почитателей были в первую очередь последователи “русской идеи”, дорожившие духовными основами, на которых строилась жизнь в дореволюционной России. Факт недостаточного внимания критики к писателю отметил историк литературы Н.Кульман, высоко ставивший оригинальный талант Ш. В статье, посвященной переводам его произведений на иностранные языки, критик констатировал, что, к сожалению, русская зарубежная печать не замечает или почти не замечает растущего успеха

писателя — как среди русских, так и среди западных читателей (Россия и Славянство. 1931. 7 марта). Продолжая шмелевскую тему в журнале “Современные Записки” (СЗ. 1935. № 57. С. 464), Н.Кульман затронул проблему самобытности его прозы: шмелевский язык “блещет” образностью, “выпуклостью”, органически связан со всем богатством и разнообразием народной речи, особенно хорош своей безыскусственной простотой, точностью, ясностью, музыкальностью. Ш.-художник всегда обращен к России, и в его произведениях, написанных после того, как он покинул родину, особенно сильно звучала одна “струна”. Эти произведения “насыщены страданием” за судьбу народа: в ней преобладает мучительное беспокойство, трагическая напряженность, мистический ужас. С исключительной силой Ш. рисует гибель под ударами коммунизма не только “внешнего”, материального благосостояния России, но и ее духовных богатств. Читатель страдает под тяжестью трагических впечатлений, от непреодолимого ощущения безысходности. Не только Россия, но и весь мир кажутся ему висящими над бездной. Однако, как считал Н.Кульман, этими особенностями не исчерпывается богатство творчества Шмелева периода эмиграции. Талант его развивался и искал новых путей — взор писателя обратился к “прежней России”, для многих этот поворот был неожиданным.

Ю.Айхенвальд (Б.Каменецкий), к которому Шмелев относился с большой теплотой, часто печатал доброжелательные отзывы на его произведения. Так, критик считал, что русские слова Ш., когда он изображает дореволюционную жизнь, звучат проникновенно, они “светлы”, “спокойны” и “напоены ароматом цветов” — вся родная стихия описывается им “любовно и ласково” (Руль. 1924. 3 сент.) С бытовыми, реалистическими “нитями” он переплетает тонкие “нити” духовности; но преобладает над всем и все побеждает настроение святости и света. “В наши циничные дни, — писал Ю.Айхенвальд, — даже страшно читать такие желанно старомодные страницы, обвеянные дыханием целомудрия и чистоты. Отличает их сдержанная молитвенность и религиозность, и гармоничным подбором своих тихих красок он еще более способствует тому сладостному волнению, которым невольно откликается на них читатель. Он видит перед собою раскрытую сокровищницу русской души — ее религиозную глубину, ее идеальные возможности, ее щедрую одаренность. И силой контраста его мысль отбрасывается к другой, к современной России, где эта душа не погибла совсем, но так искажена и растоптана...”. Особое внимание Ю.Айхенвальд уделял стилистическим особенностям прозы Шмелева (Руль. 1927. 18 сент.) Он отмечал “жиз-

неподобие” его сказок: “Но чудесен их язык и так выдержан стиль сказа или сказки, в форме драгоценного примитива запечатлелось здесь много русской боли. Оттого и производит он глубокое впечатление. Как и всегда у Шмелева, такие подобраны в них слова и их сочетания, что слышны самые интонации живой речи и почти звучат даже тембры человеческих голосов. Русская стихия роскошно разлита в них, и народ предстает в своих отличительных признаках. Широкая степь простирается. Миколу-угоднику молятся. В тонах любви и юмора, в красках сыновней ласки и сыновней скорби изображает ее писатель”.

Г.Гребенщиков был убежденным почитателем творчества Ш., называл его “одним из наиболее чувствительных нервов современной литературы, человеком огромной моральной силы и глубокой совести” (ПН. 1923. 11 марта). “Мы прошли через десятилетие, — писал Г.Гребенщиков, — вывернувшее наизнанку людскую утробно-низменную суть, которое большинство скорее хочет позабыть, залить слезами или новой кровью, заглушить треском народного веселья”. Он считал, что книги Ш. всегда рождают непреодолимое желание поделиться с близкими людьми своими читательскими мыслями. Послереволюционную действительность в изображении писателя Г.Гребенщиков сравнил с домом умалишенных: “Писатель замыкает всю Россию в желтый дом, населенный сумасшедшими, бросает ее на произвол судьбы, а небольшой, мужественно бодрствующий персонал низвергает в душный погреб под охрану сумасшедших сторожей”. Г.Раевский (В. 1928. 24 мая), как и Г.Гребенщиков, высоко оценил писательский талант Ш. — “значительного и опытного художника”, берущегося за трудные темы, с которыми он, как правило, “отлично справляется”. К тому же Ш. превосходный рассказчик, умело и увлекательно развертывающий фабулу, четко заканчивающий повествование. В то же время Г.Раевский упрекал Ш. в том, что он иногда слишком часто вводит в повествование престолярные и “полународные” слова, придающие стилю “фольклорный характер”. Касаясь вопроса о предшественниках Ш., в авторе “Неупиваемой чашки” критик увидел подлинное родство с Лесковым, более подлинное и глубокое, чем в авторе “Человека из ресторана” — с Достоевским.

Тема связи Ш. с литературной традицией XIX века была затронута А.Амфитеатовым (В. 1928. 18 дек.), полагавшим, что если в зарубежной русской литературе мы наблюдаем преимущественное устремление “в русло” Тургенева, то Ш. довольно одиноко идет “руслом” Достоевского. По мнению критика, он, подобно Достоевскому, “двуликий Янус”. Одно его лицо — грозное, другое — ласковое. Три его произведе-

ния посвящены изображению гибели России под большевиками — “Солнце мертвых”, уже переведенное на все европейские языки, “Повесть об одной старухе” и рассказ “Панорама” (“может быть, самая высокая нота отчаяния, когда-либо выкрикнутая русским культурным человеком”), которые составляют “страшный триптих”. “Острое и мучительное впечатление” произвели на А.Амфитеатрова трагические пьесы Ш. Однако А.Амфитеатров не считал писателя “трагиком” в полном смысле. Так, его “тянут” к себе темы мира, тишины, идиллии, он всегда несколько грустный мечтатель, “красиво улыбочивый”, хотя иногда и сквозь слезы. Он автор трогательной полумистической “Неупиваемой чаши”, автор удивительных московских идиллий “Яблочного Спаса” и “Заступницы усердной”, автор “Мэри”. В нем есть что-то женственно нежное, уцелело что-то детское, и именно это “что-то” и дорого Ш. и в жизни, и в самом себе. Но вместо этого судьба сделала Ш. свидетелем — очевидцем и летописцем чудовищных катастроф, обрушившихся на плоть нашего века, и “диких психических” эпидемий”, поразивших его дух. “Идиллик” вынужден писать трагедию почти что светопреставления. Со времен Достоевского никто в европейской литературе не проникал в “ночную область человеческого духа” смелее Шмелева, никто не выявлял в ней таких мрачных глубин. “Да, Шмелев — “достоевец”, но “достоевец” нашей эпохи. “Достоевец”, доживший до роковой эпохи, когда “Бесы”, предвиденные и предсказанные великим учителем, вырвались из своего ада и забушевали, издеваясь над опоганенной ими землей”.

Статья Антона Крайнего (З.Гиппиус) “Литературная запись: По-лет в Европу” (СЗ. 1924. № 18), посвященная состоянию русской литературы после революции, отличается резкостью, эмоциональностью, содержит “рискованные” метафоры и ассоциации. Автор убежден, что к Ш., наделенному не только природным талантом, но и “горением душевным”, необходимо предъявлять очень строгие требования: “Шмелев, как Бунин, весь русский, с головы до пят. Но у Бунина есть, сверх этого, магичность исключительного таланта и сдержанность, собранность; они приближают его к всемирности. Шмелев же остается русским, только русским, со всеми русскими и грехами, и дарами. В слишком европейце Алданове есть жидковатость; слишком русский Шмелев так густ, что ложка стоит, а глотать — иной раз подавишься. Чувства меры нет никакого. По-русски безмерное — святое — бурление души заставляет его забывать и о писательском целомудрии, которое в иные времена смыкает уста художника. Кипит в сердце, через край хлещет, где тут думать о

мере! <...> Шмелева должен любить читатель (русский), любить именно с его воплями, с водопадом и пеной слов. Но любовь (да и нелюбовь) перед судом искусства не значит ничего. <...> Любовь также еще не ручательство, что путь художника верен, и Шмелеву не надо это забывать” (с. 131, 132).

Г.Адамович не относил себя к почитателям Ш., однако, регулярно выступая в литературных отделах “Последних Новостей” и “Современных Записок”, рецензировал произведения писателя, печатал статьи о его творчестве. В этих работах высказывалась не только высокая положительная оценка, но вместе с тем содержалась серьезная и не всегда справедливая критика. Резкость Г.Адамовича больно задевала самолюбие Ш., вызывала возмущение. Об отношении Шмелева к одному из подобных выступлений — рецензии на книгу “Родное” в 49-м номере “Современных Записок” (1932. С. 454–455) — рассказал редактор журнала М.Вишняк (“Современные Записки”: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 134–136). По свидетельству М.Вишняка, Ш., задетый “легкомысленным” подходом критика, в одном из своих писем назвал тон этой рецензии “игриво глумливым и безответственным”, упрекал редакцию в том, что она допускает столь резкие публикации. В статьях, напечатанных в “Последних Новостях”, Г.Адамович также признавал литературный талант Ш., писал, что в прозе этого автора “есть порох, который рано или поздно приводит к взрыву”, но в то же время назвал его “на редкость неровным художником” (ПН. 1936. 30 янв.) Так, по словам Г.Адамовича, “Шмелев один из тех писателей, которых трудно читать спокойно <...> Достаточно прочесть одну шмелевскую страницу наудачу, не выбирая, чтобы убедиться, как силен у этого художника словесный изобретательный “напор”, как сложен и причудлив его рисунок. Страница Шмелева необычайно насыщена, порой даже чересчур, будто изнемогающая под тяжестью стилистических завитушек, интонационных завитушек, интонационных ухищрений и всяческой роскоши красок. Ни одной пустой строки, и хотя читатель, слишком уж обильно угощаемый, иногда жаждет отдыха — хотя бы полстранички побледнее, посуше, попроще! — он не может не отдать себе отчета в том, что автор не манерничает, а действительно богат. Помимо этого у Шмелева есть черта, редкая в наши дни: страстность. Это страстный человек, с унаследованным от Достоевского чутьем к людским страстям, и, в особенности, с чутьем и слухом к страданию”. Г.Адамович полагал, что Ш. поднимается наиболее высоко как художник, когда рассказывает именно о страдании. Вместе с тем критик осуждал Ш. за то, что этой темой “от-

рицания” он не ограничивается, а противопоставляет ему “утверждение”, строит свой мир, приглашает читателя этим миром полюбоваться — тут-то, по мнению Г.Адамовича, и возникает главное противоречие. Принято считать, что тот, кто недолюбливает Ш., не патриот, а интернационалист, посягающий на родные святыни, ибо все у Ш. исконное, подлинное, почвенное. “В самом деле, — пояснял автор, — если бы это было патриотизмом, если бы этим он был ограничен, от него хотелось бы отказаться! К счастью, отказываться нет причин, а, перечитывая Шмелева, хочется воскликнуть: “Не узнаю тебя, Россия”<...> Патриотизм — “струна”, на которой играть легко, особенно теперь, после всех русских несчастий и невзгод. Но именно после всех несчастий и невзгод русские сознания, казалось бы, слишком насторожены и встревожены, чтобы удовлетвориться обращением к прошлому, притом в приукрашенном виде” (там же).

В “Последних Новостях” (1937. 13 мая) Г.Адамович писал о том, что Ш. не только многое заимствовал у Достоевского, но и многому у него научился. Однако есть и отличия, которые сводятся к следующему: “Но <Шмелев> “не жестокий талант”, следовало бы сказать о нем, — как сказал Михайловский о Достоевском, — а “больной талант”. <...> Да, шмелевские герои почти всегда страдают. Но, переняв или унаследовав от Достоевского его трагический, сдавленный, приглушенный, страдальческий “говорок”, т.е. переняв тон Достоевского, Шмелев не заметил обоснования этого тона, и оттого страдание приобретает у него почти что физиологический характер. Он понял “достоевщину”, а вовсе не Достоевского, он как рыба в воде чувствует себя в той атмосфере, которую создал Достоевский: жалость, обида, унижение, возмущение, бессильное, слишком позднее просветление, — но “метафизика” Достоевского, сомнения Ивана Карамазова, домыслы Кириллова, безысходная тоска Ставрогина, — все это полностью от него ускользнуло” <...> “Больной, искалеченный талант, — подвел итог Адамович. — Но за этим больным — и большим, подлинным талантом, — пылкая, требовательная, нетерпеливая душа, мимо которой никак не пройдешь с безразличием или скукой”.

М.Вишняк сблизился со Ш. в процессе сотрудничества в “Современных Записках”, он часто встречался и переписывался с ним; Ш. посвящена не одна страница книги “Воспоминания редактора”, которая была упомянута выше. Однако эти отношения не всегда были гладкими — “Современные Записки” дорожили участием писателя в журнале, хотя многое в его творчестве ими отвергалось. М.Вишняк, как и другие

члены редакции, состоял в партии социалистов-революционеров и часто оценивал шмелевское творчество с “демократической” точки зрения. Поэтому он не был поклонником Ш., критиковал его произведения, среди которых особо выделил “Историю любовную” и “Солдаты”. “Несомненен был его дар воображения и изображения, — отмечал М.Вишняк, — не всегда, правда, на одинаковом художественном уровне. Мы очень часто испытывали нужду в беллетристических произведениях, а автор “Человека из ресторана” принадлежал, как никак, к русским “классикам”” (с. 130). М.Вишняк рассказал об одном эпизоде, свидетельствовавшем, что Ш. был очень популярен в зарубежье: “К этому надлежит прибавить, что “Любовная история” — вещь малохудожественная — пользовалась успехом у читателя-эмигранта. Был случай, когда читатель был так захвачен фабулой, что не в силах выждать, когда появится очередная книга журнала с продолжением романа, он приходил в редакцию и просил разрешения ознакомиться в гранках или верстке с развитием “Любовной истории”” (там же). Далее Вишняк привел отрывок из письма, которое было получено им от В.Руднева — другого редактора журнала: “Положительно в ужасе (за журнал) от шмелевских “Солдат”. Винаваты кругом мы сами: после “Любовной истории” давали себе слова не брать у Шмелева ничего вслепую, не читая, — и вот на тебе, соблазнились. Вещь и с точки зрения художественной до крайности слабая (в линии последовательных уже двух плохих романов — свидетельствует о роковом декадансе Шмелева), но по своему черносотенному духу, с привкусом какой-то небывалой у нас в журнале полицейщины черносотенной... положительно пахнет, нестерпима...” (с. 131).

В том же ключе рассматривал роман “Солдаты” литературный критик А.Савельев, рецензировавший 42-ю книгу “Современных Записок” (Руль. 1930. 21 мая). По его мнению, в этом произведении “наш выдающийся писатель Ив.Шмелев изменил себе”. Так, “совершенно не чувствуется в романе сам Шмелев, горячий увлекающийся писатель, тонкий психолог и увлекающийся рассказчик. Ив.Шмелев “Человека из ресторана”, “Росстаней”, “Солнца мертвых”, “Про одну старуху” и пр. подменен здесь другим автором, зажатым в тиски проповеднических задач”.

Г.Струве в книге “Русская литература в изгнании” (Струве. С. 75, 76), как и многие другие критики, писал о Ш. и Достоевском: “Его нередко сравнивали с Достоевским, и параллель с “Записками из Мертвого дома” напрашивалась сама собой. В том, что из всех больших русских писателей Шмелеву ближе всего Достоевский с его темами боли и стра-

дания, что “болезненной” своей стороной он именно к Достоевскому восходит... сомневаться не приходится <...> Но в Шмелеве есть и другие стороны и свойства, которыми он Достоевского отнюдь не напоминает и которые ярче проявились в некоторых более поздних и более “успокоенных” вещах, где фоном является не развороченный революцией и исковерканный быт, а дореволюционная, прочная в своих устоях русская жизнь”. В то же время, по мнению Г.Струве, Шмелеву совершенно чужда диалектика и метафизика Достоевского — ““достоевщину” мы находим в наиболее слабых романах Шмелева”. “А в своих лучших вещах, в своих рассказах и очерках, он напрашивается скорее на сопоставление с Лесковым. Шмелева упрекали в “провинциальности”, в чрезмерной “русскости”, в неумеренных восторгах перед расточительной “широтой” русской природы”.

Ю.А.Азаров

ШОЛОХОВ Михаил Александрович (1905—1984)

В русской эмиграции Ш. был замечен после публикации “Тихого Дона” в “Октябре” и выхода первых двух книг романа отдельными изданиями в “Московском рабочем” (1928—29) и сразу же приобрел популярность среди самых разных по социальному положению и жизненному опыту читателей. Не без высокомерия и небрежения к вдруг ставшему известным советскому писателю В.Набоков заметил: “Зарубежные же русские запоем читают советские романы, увлекаясь картонными тихими донцами на картонных же хвостах-подставках” (В.В.Набоков. *Pro et contra*: Антология. СПб., 1997. Т. 1. С. 92—93). По данным Тургеневской библиотеки, в октябре 1930—январе 1931 Ш. по читаемости занимал пятое место среди советских авторов, а в октябре—декабре 1932 — второе (см.: Кнорринг Н. Что читают в эмиграции: Цифры Тургеневской библиотеки // НРС. 1931. 24 мая; ПН. 1933. 9 марта). Несмотря, однако, на большой успех произведения в читательской среде, в литературных кругах русского зарубежья писателю не повезло. Во всяком случае, о нем говорили много меньше и не столь продуманно и систематично, как о М.Зощенко, И.Бабеле, Ю.Олеше, Л.Леонове или К.Федине, и, по верному на-блюдению Г.Адамовича, “в эмиграции критика занималась Шолоховым лишь случайно” (ПН. 1933. 24 авг.) и, кажется, вынужденно, под давлением широкого читательского интереса. Что же касается непосредственно видных художников русского зарубежья, большинство из них Ш. словно не заметили, а если и обратили на него внимание, то как-то вскользь, “по поводу”, “в связи” (в дневниках, письмах). Исклю-